

Ладыненко А. П.,

преподаватель кафедры иностранных языков

Национального университета «Одесская юридическая академия»

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ЛОКАЛЬНО-ТЕМПОРАЛЬНОЙ ИНДИКАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Аннотация. В статье анализируются функции иноязычных вкраплений в англоязычном художественном тексте. В частности детально рассматривается специфическая роль иноязычных вкраплений в создании хронотопа, исторической атмосферы происходящего, а также местного колорита. Большое внимание уделяется рассмотрению иноязычных вкраплений, характерных для травелогических произведений, где автор пытается рассказать о местных обычаях, привычках, особенностях быта той или иной страны. В статье отмечается, что использование иноязычных вкраплений позволяет автору создать аутентичную картину происходящего, максимально приблизить изображаемое к реальной действительности и показать взаимодействие культур, благодаря чему достигается миметический эффект описания пространства и времени.

Ключевые слова: иноязычное вкрапление, функция, реалия, локально-темпоральная индикация, хронотоп.

Функционально-стилистическая роль иноязычных заимствованных слов весьма разнообразна. Одна из важнейших функций иноязычных вкраплений (ИВ) – это создание местного колорита и атмосферы происходящего. Актуальность настоящего исследования состоит в важности изучения взаимодействия различных языковых кодов в связи с развитием тесных политических, экономических и культурных связей между различными странами. Однако использование иноязычных вкраплений для создания локально-темпоральной атмосферы происходящего не получили должного освещения в научной литературе, хотя этот вопрос и затрагивался в ряде исследований [2, 3, 4].

Объектом исследования в представленной статье являются иноязычные вкрапления в художественных текстах, базовым языком которых является английский.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы описать лингво-стилистические особенности актуализации ИВ как средства создания местного и исторического колорита в прозаических текстах XX в.

Исследование показало, что во многих случаях ИВ-реалии помогают организовать хронотоп произведения в том смысле, в каком этот термин трактуется в трудах М. Бахтина: «Хронотоп (дословно времяпространство) – существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [1, 234].

Так, атмосфера революционной России во многом передаётся у Дж. Рида в книге «Десять дней, которые потрясли мир» [11] с помощью ИВ, большинство из ко-

торых представляют собой политические реалии того времени. Автор максимально точно хочет передать атмосферу революционной России. Наиболее многочисленные группы исторических реалий составляют:

а) названия различных организаций, учреждений, политических групп: *Bolsheviki; the Fabriechno-Zavodskiye Comitieti; Mensheviki; Yedinstvo; Trudoviki; Tsentroflot; the Uprava* и др;

б) названия политических газет и журналов: *Dielo Naroda; Izvestia; Golos Soldata; Narodny Tribun; Novaya Rus; Zhivoe Slovo; Rabotchi Put; Ryetch; Utro Rossii;*

с) названия различных социальных и профессиональных групп: *barin, izvoshtchiki, intelligentzia, gorodovoye, okhrana, tchinovniki;*

д) слова, которые указывают на расшатывание существующей государственной системы, на разрушение и хаос: *marador, pogrom, provocatzia, vistyplenie;*

е) различные политико-административные термины: *siezd, presidium* и др.

Так, например, слово «выступление» из группы д) означает вооруженный протест против существующих «порядков». Подобрать здесь однословный англоязычный эквивалент весьма трудно. Нелегко отыскать англоязычные эквиваленты и для многих других слов-реалий, используемых Дж. Ридом. Сами по себе эти слова и выражения не являются прямыми локально-темпоральными индикаторами, но они являются опосредованными маркерами пространства и времени, т.е. историческими реалиями. Многие учреждения, группы, партии и проч. уже давно не существуют или трансформировались в иные органы, получив новые названия. Поэтому в данном случае можно говорить о том, что ИВ помогают воспроизвести историческую атмосферу, исторический колорит эпохи, зафиксировать исторические факты прошлого и тем самым участвуют в создании локально-темпоральной перспективы изложения.

Входят сюда и лексемы, связанные со спецификой русского быта (*kasha, samovar*). Эти и подобные им слова не имеют абсолютных аналогов в английском языке. Так, слово «porridge» лишь приблизительно передает значение слова каша (**kasha**).

Слово «интеллигенция» (*intelligentzia*), включенное Д. Ридом в ткань произведения, вообще не понятно многим иностранцам. Данная так называемая прослойка общества – специфическое русское образование. Интеллигент это не просто умный и образованный человек, но это одновременно и человек с повышенным градусом совестливости, который стремится к нравственно-

му идеалу и презирает мещанство (богатство, достаток, бытовой комфорт). Он готов к самопожертвованию, но пассивен в реальной жизни. Отдельные из упомянутых черт интеллигенции принадлежали Михайловскому, Солженицыну и др. В данном случае применительно к анализируемой лексеме точнее было бы говорить о социально-исторической реалии российского общества.

ИВ помогают автору рассказать о традициях и обычаях различных народов. Поскольку в родном языке писателя порой не существует вербальных аналогов тех или иных слов и словосочетаний, так как нет описываемых им реалий, артефактов, феноменов, он прибегает к ИВ-первичным номинантам соответствующих предметов и явлений, иногда поясняя их значение, а иногда оставляет их интерпретацию на откуп читателю.

Так, у Э. Хемингуэя, который много путешествовал и который хорошо знал быт и нравы Испании, неоднократно описывается такое специфическое действо, как испанская коррида. В английском языке, на котором писал Хемингуэй, не существует многих терминов, характерных для боя быков, поскольку подобный род развлечений никогда не привлекал к себе внимание ни граждан Великобритании, ни граждан США, – он не стал фактом их социально-культурной жизни. Поэтому, детально описывая корриду в различных произведениях [9, 10], автор прибегает к соответствующим испаноязычным словам-реалиям, которые обозначают различные этапы боя, его участников, технические приёмы и проч. Здесь можно отметить такие ИВ (слова и словосочетания), обозначающие:

1) лиц, которые принимают участие в корриде: *arriero* (погонщик быков), *cuadrilla* (группа помощников), *reones* (лицо из группы помощников), *picador* (всадник, который пронзает шею и плечевые мускулы быка для его ослабления), *matador* (главный участник боя быков, который убивает быка);

2) средства, которыми пользуются участники корриды для укрощения быка: *banderilla* (копье), *muleta* (красная ткань для привлечения быка);

3) этапы боя быков: *corrida* (гонка быков), *encierro* (прогон быков из загона на арену), *paseo* (торжественный марш участников боя быков), *tercio* (третья часть корриды);

4) технические приёмы во время боя быков: *veronica* (совокупность всех приёмов, которые проделывает матадор, перед тем как убить быка), *quite* (вызов быка на себя) и проч.

Нередко автор сам объясняет значение терминов в тексте произведения. Так, Э. Хемингуэй даёт целую лингвистическую справку относительно испанского слова *corrida*, в романе «Фиеста»:

He was very bashful about his English, but he was really very pleased with it, and as we went on talking he brought out words he was not sure of, and asked me about them. He was anxious to know the English for Corrida de toros, the exact translation. Bull-fight he was suspicious of. I explained the bull-fight in Spanish was the lidia of a toro. The Spanish word corrido means in English the running of bulls – the French translation is Course de taureaux. The critic put that in. There is no Spanish word for bull-fight [9, 196].

Помимо использования конкретных номинант-реалий для создания местного колорита и передачи психотипических особенностей граждан той или иной страны автор может включить в текст отрывки разговоров местных жителей. Обычно это разговоры или реплики проходных персонажей произведения. Они внезапно возникают в отдельных эпизодах и также быстро исчезают из поля зрения рассказчика, как и появляются. Подобные реплики из диалогов, а точнее их отрывки, становятся косвенными индикаторами локуса, места действия произведения, а также культурно-социальной среды, в которую попадают герои произведения.

Реплики в таких диалогах могут быть полностью переводимы на базовый язык повествования, но автор намеренно воспроизводит их в аутентичном виде, чтобы создать эффект погружения читателя в соответствующую иноязычную атмосферу. Так, например, у Э. Хемингуэя можно встретить следующий фрагмент разговора:

«What's the matter with Chaves?»

«He got hurt» <...>

«Hey? Looie,» the waiter called to the next room, «Chaves got cogida» [10, 121].

Упомянутый официант является эпизодическим лицом в рассказе «Непобедимый», но он часть той социальной общности, которую описывает автор, что позволяет читателю глубже ощутить специфику описываемого города, страны и т.д.

К такому приему прибегает и другой американский писатель С. Фицджеральд, когда действие его произведений происходит, например, во Франции. Одна-две реплики, и автору удаётся напомнить читателю, что он находится в Париже:

The waiter was pretending to be inordinately fond of children. «Qu'elle est mignonne la petite ! Elle parle exactement comme une Française» [6, 237].

Далее следует англоязычный текст. Реплика проходного персонажа – официанта на французском языке становится здесь косвенным локальным индикатором, напоминая читателю, что события рассказа разворачиваются в столице Франции.

В романе С. Фицджеральда «Ночь нежна» действие разворачивается в разных странах. Вкрапления отдельных иностранных слов-реалий позволяют маркировать конкретное место действия. Так, говоря о событиях в Риме, автор использует итальянские слова, в частности *trattoria* и *spumante*:

(1) *Rosemary insisted on treating Dick to lunch next day. They went to a little trattoria kept by Italian who had worked in America, and ate ham and eggs and waffles [7, 242].*

(2) *Back at his table Dick ordered another bottle of spumante [7, 247].*

Когда действие перемещается во Францию, то косвенными локальными маркерами становятся французские слова и выражения, например, *poste de police*, *sergent-de-ville*, *arrondissement*, *restaurateur*, *couverture*.

Наконец, когда герои оказываются в Австрии, то появляются немецкоязычные вкрапления. Так, косвенными локальными маркерами Инсбрука становятся гастрономические реалии:

*He reached Innsbruck at dusk, sent his bags up to a hotel and walked into town <...> The marble souvenirs of old sieges, marriages, anniversaries, faded quickly when the sun was down, and he had **erbsen-supper** with **würstchen** cup up in it, drank four **hebles** of Pilsener and refused a formidable dessert known as «**Kaiser-schmarren**» [7, 227].*

Как видим, здесь использованы такие немецкоязычные гастрономы, как **erbsen-supper** (гороховый суп), **würstchen** (сосиски), **kaiser-schmarren** (десерт под названием «забава кайзера»), т.е. названия блюд, которые принято подавать в Австрии.

Наше исследование показало, что большое скопление иноязычных вкраплений характерно для травелогических произведений, где подробно описываются особенности путешествий по различным странам. Автор пытается здесь как можно подробнее рассказать о местных обычаях, привычках, особенностях быта той или иной страны, прибегая к словам-реалиям местного языка, что позволяет читателю окунуться в атмосферу происходящего на страницах романа, рассказа или эссе. Например, Т. Толстая, как уже отмечалось, подробно описывает греческую кухню:

(1) Берут обычно так: салат «**хориатики**» один на всех (большая миска с огурцами, помидорами, луком, брынзой, маслинами, иногда зеленым перцем, всё заправляют изумительным оливковым маслом). Жареную картошку горкой («**патамес**») [5, 123].

(2) Можно взять и десерт, самый легкий – это фрукты, обычно есть и йогурт с медом и орехами, а для худых – **баклава** и **кадаиф** (та же баклава, но не пластинками, а как бы волосами) [5, 124].

При описании особенностей греческой кухни писательница, как видим, активно использует греческие слова, давая их, однако, не в греческой орфографии, а в кириллице.

В романе «Волхв», где многие события разворачиваются в Греции, Д.Фаулз также большое внимание уделяет описанию греческих реалий. ИВ преимущественно представляют собой номинатемы греческих реалий, с которыми сталкивается герой в своей повседневной жизни. В том числе здесь встречаются названия своеобразных греческих построек: **kalyvia** (rough stone huts); лексемы, связанные с климатическими особенностями Греции: **esychia** (breeze); гастрономы – названия специфических греческих блюд: **taramasalata** (boiled eggs); **onzo** (a strong drink) и др.

В романе можно встретить и греческие названия должностей, постов и проч., характерных для Греции, например, **the proedros** (commandant).

Говоря о музыкальных впечатлениях в Греции, Эрфе упоминает специфический вид греческой песни – **a kalamatiano**, которая сопровождается танцем.

Среди греческих вкраплений встречаются и названия предметов утвари:

<...> **a kanati**, the porous water jug Greeks put in their windows to cool both air and water [8, 338].

Это позволяет создать более яркую картину происходящего, показать особенности восприятия представителя одной культуры особенностей культуры иной страны. С одной стороны, это даёт возможность создать более точную картину происходящего, с другой – расширить

представление о самом рассказчике, в частности о его наблюдательности и склонности замечать новое, необычное. Автор не старается найти англоязычные эквиваленты, не прибегает к описательным средствам, а представляет греческие наименования в английской транслитерации. Это позволяет автору создать аутентичную картину событий, а читателю прочувствовать атмосферу происходящего.

В указанном романе повествование ведется от лица весьма эрудированного главного героя мистера Эрфе, преподавателя иностранных языков в Греции, образ которого весьма близок образу самого писателя. Поэтому неудивительно, что в его рассказе о событиях в Греции помимо греческих, встречается и немало французских слов, а также латинизмов, хотя его родным языком является английский.

Отдельные латинские и французские слова и выражения придают повествованию более книжный характер и вместе с тем позволяют герою-рассказчику продемонстрировать свою эрудицию:

(1) *I went and locked in the **memento mori** mirror* [8, 354].

(2) *She had managed to give her heavily rouged and **mascara'd** face a suitably pouting and **femme fatale** look* <...> [8, 380].

Ещё раз подчеркнём, что использование подобных ИВ позволяет автору создать аутентичную картину происходящего, максимально приблизить изображаемое к реальной действительности, показать взаимодействие культур разных стран. Иными словами, благодаря вводу ИВ во многом достигается миметический эффект описания пространства и времени.

Таким образом, одна из важнейших функций ИВ в художественном тексте – это создание местного и исторического колорита описываемых событий. Выполняя подобную функцию, они становятся косвенными индикаторами времени и места действия, тем самым участвуя в создании хронотопа художественного произведения. Однако функциональные особенности ИВ в художественном тексте этим не исчерпываются, –они требуют дальнейшего детального рассмотрения.

Литература:

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит. 1975. – С. 234-407.
2. Листрова Ю.Т. Иносистемные языковые явления в русской художественной литературе XIX в. / Ю.Т. Листрова. – Воронеж, 1979. – 146 с.
3. Павлов В.Н. Иноязычные вкрапления в прозе Л.Н. Толстого / В.Н. Павлов // Проблемы языка и стиля. – Тула: Тульск. кн. изд-во, 1977. – С. 118-124.
4. Тимофеева З.М. Лингвостилистические особенности гетерогенного художественного текста (языковые средства выражения русского национального колорита в англоязычной прозе В.В. Набокова): дис. канд. фил. наук / З.М. Тимофеева. – СПб., 1995. – 195 с.
5. Толстая Т.Н. День: Личное / Т. Толстая. – М.: Подкова, 2003. – 416 с.
6. Fitzgerald F. Scott. *Babylon Revisited* / F. S. Fitzgerald. // *Selected short stories*. М.: Progress Publishers, 1079. – P. 232-252.
7. Fitzgerald F. Scott. *Tender is the Night* / F. S. Fitzgerald. – М.: Радуга, 1983. – 400 с.
8. Fowles John. *The Magus* / J. Fowles. – Dell Publishing, 2004. – 668 p.
9. Hemingway E. *Fiesta, and The Sun Also Rises* / E. Hemingway. – С-Пб.: Антология, КАРО, 2009. – 288 с.

10. Hemingway E. The Undefeated // Сохань А.М. Хрестоматія по американській літературі / А.М. Сохань, Т.Д. Антонова, [ред. Н.П. Михальская]. – М: Просвещение, 1972. – С. 116-141.
11. Reed John. Ten Days that Shook the World / J. Reed. – New York: Dover Publications, Inc., 2006. – 374 p.

Ладиненко А. П. Іншомовні вкраплення як засіб створення локально-темпоральної індикації художнього тексту

Анотація. У статті аналізуються функції іншомовних включень в англомовному художньому тексті. Детально розглядається специфічна роль іншомовних включень у створенні хронотопу, історичної атмосфери та колориту місцевості. Велика увага надається розгляду іншомовних включень, які характерні для тревелогічних творів, де автор намагається розповісти про місцеві звичаї тієї чи іншої країни.

Ключові слова: іншомовне включення, функція, реальність, локально-темпоральна індикація, хронотоп.

Ladynenko A. Foreignisms as a means of local-temporal indication in the fiction texts

Summary. The article is devoted to the function analysis of the foreignisms in the fiction texts based on the English language. The role of foreign language inclusions in hronotop, creation historical atmosphere and local coloration in the texts are worked out and presented in detail. Much attention is paid to foreignisms in the texts written in the genre of travelogue where the author tries to describe local customs, habits, and features of life of a country. It is noted in the article that usage of foreign-language inclusions allows the author to create an authentic picture of events and show the interaction of cultures. Due to the fact mentioned a mimetic effect of described space and time is reached in the fiction texts.

Key words: foreignism, function, reality, local and temporal indication, hronotop.